

Россиянка

Мария Ивановна Сергеева за свою жизнь, а ей за 80, два раза меняла фамилию. Родилась как Моисеева в деревне Веслево. Своего отца, Ивана Егоровича, знает только по фотографии да воспоминаниям матери. Это был честный, порядочный и трудолюбивый человек. Погиб в 20-м... На руках у Клавдии Ивановны осталось 6 детей да новая жизнь, которая билась под сердцем. Так и родилась девочка, названная Машей, и выросла без отца.

Сам род Моисеевых большой и дружный. Детей разобрали родственники, растили и выхаживали как своих. Маша Моисеева училась в Переславле. Доучилась до 8 класса в средней школе № 1 и, как говорит она сама, дёрнула её нелёгкая прочесть объявление на столбе, в котором объявлялся набор на курсы слесарей, токарей и электриков в ФЗУ фабрики киноплёнки. Время до войны, что ли, было такое — с сумасшедшинкой. Молодые рвались в небо на вечно чадающем аэроплане Переславского аэроклуба. Водные и спортивные праздники собирали весь город. На производстве молодёжь, а особенно девчонки, упрямо лезли туда, куда, казалось бы, и путь закрыт — в машинисты, водители, к трансмиссиям и трубопроводам. Ну, а Машу Моисееву после того «столбового» объявления просто залихорадило и затрясло: хочу быть токарем, хоть тресни.

Что вы думаете? С середины учебного года оставила школу, перешла на курсы токарей, блестяще их закончила и всю трудовую жизнь провела возле станков. Изготовила тысячи деталей, без которых машины фабрики «Красное эхо» стояли бы монументами. Но не оставались — запчасти для них всегда были готовы в срок.

Мы сидим у окна в доме Марии Ивановны, говорим час, другой и третий. И она непременно возвращается к токарным «кулачкам», «трансмиссиям» да «патронам», в свой родной механический цех. Она и поныне прекрасно осведомлена о работе цеха, без которого скачет и не может прожить: все детальки и загогулилки, которые она делала, были для неё детьми, которых она формировала, растила и ещё тёпленькими отправляла в большую жизнь. Такова уж привязанность человека, и ничего тут не поделать.

Начинала Маша Моисеева на фабрике киноплёнки. Здесь вышла замуж за Виталия Волкова, сменила фамилию. Прожили недолго — война. Мужа забрали на фронт. Осенью 41-го на фабрике начали демонтаж оборудования, предприятие готовили к эвакуации. Коллектив расформировали. Марию Ивановну перевели на «Красное эхо», где она и проработала свыше 45 лет до ухода на пенсию в 87-м. На фабрике и получила 1 мая 1942 года похоронку на мужа, погибшего на Ленинградском фронте. Не верила этому 9 лет, всё надеялась и ждала, справлялась и уточняла, пока не услышала рассказ однополчанина, который не оставил никаких надежд — фронтовик был участником тех событий и похорон Виталия Волкова.

— Не надейся, Маша, и не жди, — сказал он мне. — И у меня внутри как будто что-то отрезало: всё!

Была хороша собой, стройна, гибка, одень в шелка и хоть на подиум, но замуж не собиралась, неизменно давая отпор малейшим посягательствам на свою руку. Да и какое тут замужество — вырастить бы сына. Сын... Её сын! Главная забота и материнская тревога. Так и прослыла на фабрике неподступной гордячкой. Но нашёлся человек, который ничего не добивался, а только смотрел и вздыхал, исподволь помогал и был счастлив, если эта помощь принималась.

Когда человек стремится к полнокровной жизни, она сама помогает ему через внутренний родник, который из едва заметных толчков вдруг начинает фонтанировать, будоражить

мысли и сердце, определяя чувства и поступки. Верный, всепонимающий друг, Александр Иванович Сергеев подставил мужское плечо для опоры, завоевал руку, назвал её сына родным. Так и прожили полвека, прибавив к жизни ещё двоих граждан — дочь и сына. Дети уже определились, покинули родительское гнездо. В будние дни, когда все на работе и каждого захлёстывает собственная череда дел, Марии Ивановне скучновато. Посещение журналиста для неё просто подарок судьбы, находка и спасение. По характеру общительная до чрезвычайности, почти всё время говорила только она. Про детей и внуков, огород, который за окном, и грядки, про пенсию, налоги и льготы:

— Газ к нам на улицу природный подвели. Для нас, стариков, это великое дело — в доме видите, как тепло, и дров не надо. А попробуй, повозись с ними в наши-то годы. Уж кто-кто, а я-то знаю про дрова всё. Запаришься сама, пока они до топки дойдут...

Потом на столе появился увесистый полиэтиленовый пакет с фотографиями. Мария Ивановна перебрала всех своих подруг, рассказала, как и где жили, состарились, где померли и как хоронили. И всё это вперемежку с «патронами», «кулачками» да «трансмиссией». Только слушай...

— Да никого уж нет. Раньше в гости забегали, поговорить, вспомнить... По одной растаяли во времени. Телевизор не люблю смотреть. Одна рекламная дребедень. Возьму фотографии, сяду у окна, перебираю, посматриваю, как мой Александр Иванович во дворе управляется. Сейчас он в гараже. Нам новую «Оку» выделили, что-то в багажнике пристраивает. Мастер на все руки...

Я пришёл к Марии Ивановне с её собственным письмом в редакцию, в котором она рассказывала, что дата пребывания пленнх немцев, указанная в «Переславской неделе» от 30 января в статье «Пленные в монастыре», нуждается в уточнении.

— В статье, — говорит она, — приводится дата прибытия пленнх в Переславль — 1 июня 1945 года. Пленные прибыли в Переславль годом раньше — летом 1944 года. И я это отлично знаю, потому что они были направлены на нашу фабрику и я руководила ими. Да-да, именно так. В 44-м году я работала токарем. Совсем неожиданно меня вызвали в контору и сказали: «Маша, ты в школе изучала немецкий язык, завтра придут пленные немцы, принимай, ты назначаешься мастером». Сколько мне тогда было? 24 года! Пробовала отговориться, отпихнуться: какой из меня руководитель! Да и немцев откровенно ненавидела из-за мужа. А вот, представьте, деваться оказалось некуда, хоть плачь — так подпёрла обстановка на фабрике. Приняла я их под своё управление. Поначалу трусила страшно: они были ну просто верзила какие-то. Я против них — пушинка. У меня были два кузнеца, один фрезеровщик, шесть токарей, два слесаря по ремонту станков — поляки, несколько слесарей и один станочник-автоматчик. Последний был эсэсовцем. Он мне рассказывал, что в Германии имел собственный трактор. Словом, начала я ими командовать, освоилась, со временем поняла: передо мной вконец измученные люди, которые рады, что им предоставили возможность занять мысли и руки работой. Смены были по 12 часов, изготавливали запасные части для фабричных машин и для других предприятий. Все пленные были высококвалифицированными специалистами, любили работу и наслаждались ею.

— А неприятные какие-то нюансы были?

— Я запомнила, как однажды этот самый эсэсовец начал психовать, швырять инструмент, выражаться. Были такие моменты не только у него — у других тоже. Но я уже освоилась, не боялась, у меня не забалуешь, топну ногой, крикну по-немецки: работать надо! Как рукой снимало — сразу извинялись и труд шёл своим чередом. Все удивлялись: как я управляюсь с этой бригадой. Сама не знаю, как, но управлялась. План перевыполняли всегда, и порядок был идеальный во всём. На праздник Победы в мае 1945 года меня пригласили в Народный дом. Здесь были самые лучшие люди Переславля. Только мне было не до праздника. Побывала немного и ушла домой...

У Марии Ивановны много наград — медалей и почётных грамот. Это трудовая доблестная память россиянки. Дай Бог нам всем так трудиться, и мы одолеем всё. Она помнит всех, с кем связала её жизнь. Не хранит в своём сердце злобы и ненависти, укорачивающих жизнь. И потому лицо её открыто, просветлённо, полнится внутренним светом доброты и любви к жизни, где хватало всего, как у любого человека, оставившего за спиной тревожные десятилетия прошлого века. И в новом тысячелетии она с нетерпением ждёт весны:

разогреется земля и она опустит в неё свои руки. Придут дети и внуки, будут помогать. Будут праздники, и вся семья в который раз сфотографируется вместе...

Удивительная эта штука — жизнь. В ней каждый человек как откровение. И есть среди них живущие внешне неприметно, неброско, но сосредоточившие в себе истинные моральные ценности, хранителями которых они являются, и подпитывающие исподволь, подобно родникам, незримый духовный поток нравственности, не давая ему зачухнуть. Поначалу думал управиться за полчаса. Но бежит и бежит время. Журчит и журчит женский голос, в котором чудится песня — добрая и нежная. Вечная...